

УДК 348.71

UDC 348.71

**ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ
КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ¹****MAIN VECTORS OF THE CONFESSIONAL
RELATIONS OF THE RUSSIAN PRIKASPY**

Топчиев Михаил Сергеевич
канд. полит. наук, ведущий сотрудник
*Гуманитарный институт Астраханского
государственного университета, Астрахань,
Россия*

Topchiev Mikhail Sergeevich
Cand.Polit.Sci., leading specialist
*Humanitarian Institute of Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia*

Основной целью данной статьи является выявление основных направлений и проблемных точек межконфессиональных отношений на территории современного Прикаспия. Основной методологией исследования выступает сравнительный анализ базовых тенденций развертывания конфессиональной ситуации в исследуемом регионе. В статье выделяются два главных вектора прикаспийских конфессиональных отношений – внутри двух макрорелигий – ислама и буддизма. Автором выделяется и наиболее болевая и проблемная точка – так называемый «ваххабитский» вектор, что требует пристального внимания с точки зрения конфессиональной безопасности Прикаспия

Main purpose of this article is identification of the base directions and problem points of the interfaith relations in the territory of modern Prikaspy. As the major methodology of the research author apply a comparative analysis of basic tendencies of expansion a confessional situation in the researches region. In the article there are allocated two main vectors of the Caspian confessional relations in two macro religions (Islam and Buddhism). The author mark out the most painful and problem point, so-called “wahhabism” vector, that demands close attention from position of confessional safety for Prikaspy

Ключевые слова: ПРИКАСПИЙ,
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
ИСЛАМ, ВАХХАБИЗМ, БУДДИЗМ

Keywords: PRIKASPY, CONFESSIONAL
RELATIONS, ISLAM, WAHHABISM, BUDDHISM

1. Введение.

Термин Прикаспий употребляется с XVIII века по отношению к районам, прилегающим к Каспийскому морю. Традиционно его разделяют по сторонам света. До распада СССР только Южный Прикаспий (Иран) не входил в его состав. В настоящее время в составе Российской Федерации находится часть территории, именуемая Северным Прикаспием (Калмыкия и Астраханская область) и часть территории Западного Прикаспия (Дагестан). Мы будем вести речь о российской территории Прикаспия в целом, делая акцент на Северной его части. Северный Прикаспий как некую историко-культурную целостность стали рассматривать не так давно [1], хотя нарративных источников, в которых

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект 12-33-01411 «Проблемы и перспективы развития конфессиональных отношений в полиэтничном регионе на примере Астраханской области и Северного Прикаспия».

описываются путешествия по этому региону и в том числе по Северному Прикаспию – немало (Гмелин А.Г., Олеарий А., Дженкинсон Э. и др.). В них зачастую содержатся культурологические характеристики основных народов, населяющих эти территории и в том числе их конфессиональный состав и особенности межконфессиональных коммуникаций. Нас в данном случае интересует современная конфессиональная ситуация и возможные сценарии ее развития, а так же те политические механизмы, которые применяются для ее регулировки. Основной методологией исследования выступает сравнительный анализ базовых тенденций разворачивания конфессиональной ситуации в российских регионах Прикаспия. Синтез полученных результатов даст возможность выделить основные векторы и перспективы прикаспийской конфессиональной политики. В процессе работы мы будем опираться на совокупность источников: экспертные отчеты, опубликованные в 2013 г. Распределенным научным центром межнациональных и межрелигиозных проблем и Институтом национальной стратегии, а так же научный и общественный (СМИ, интернет) дискурс, связанный с конфессиональной политикой в этих регионах.

2. Общее и особенное в конфессиональной ситуации российского Прикаспия.

Три региона, составляющие российскую часть Прикаспия – Астраханская область, Дагестан и Калмыкия имеют выход к Каспийскому морю разной протяженности и различной востребованности, как в общественном, так и в хозяйственном планах. Астраханская область и Дагестан активно позиционируют себя как каспийские республики, каспийские «столицы», Калмыкия эту тему не педалирует. Среди всех каспийских регионов только Дагестан имеет крупные города на Каспии, в том числе и столицу. Астраханская область достаточно тесно

экономически связана с Каспийским морем. Через нее проходит транспортный коридор «Север-Юг», часть ее экономики связана с разработкой нефтяных шельфов, к ней приписана Каспийская флотилия.

С этнической точки зрения российский Прикаспий представляет собой достаточно пеструю картину. И Дагестан, и Астраханская область – ярко выраженные полиэтничные образования. В Астраханской области доминирующим этносом являются русские – 67,57 %, казахов – 16,33 %, татар – 6,63 % [2]. В Дагестане на 2010 г. самый многочисленный народ – аварцы 29,21 % , даргинцы – 16,85 %, кумыки 14,84 %, лезгины 13,24 %.

В Калмыкии на 2010 г. калмыцкий этнос был доминирующим – 57,37 % населения. Вторым по значению этносом являются русские – 30,21 %. Численность остальных этносов достаточно немногочисленна и не превышает 3 % [2]. Примечательно, что по всей территории Российского Прикаспия процент русского населения неуклонно снижается. В Дагестане со 166 тыс. человек в 1899 г. до 104 тыс. в 2010 [3]. В Калмыкии за этот период на 7,5 %, в Астраханской области на – 4 %. В будущем это может кардинально изменить геополитический расклад в этом регионе для России.

Наибольший интерес для нас представляет конфессиональная ситуация в этом регионе по следующей причине. В трех субъектах территории российского Прикаспия представлены все мировые религии, причем не фрагментарно, а как доминирующие в том или ином субъекте. Так, в Республике Калмыкия доминирует буддизм. На 2009 г. в республике представлено 46,48 %, процентов буддийских религиозных организаций (32) [4], хотя и на сегодняшний день Калмыкия остается поликонфессиональной. Там представлено православие (16 организаций), католицизм (3), протестантизм (11), ислам (6).

В Астраханской области на данный момент доминирует православие – 97 религиозных организаций из 245. На второе место по численности

выходит ислам (76), присутствуют и буддийские общины (5). Астраханская область в большей степени поликонфессиональна, в ее реестре насчитывается 30 религиозных исповеданий [2].

В отличие от своих соседей, Республики Калмыкия и Астраханской области, Республика Дагестан может считаться практически монорелигиозной, но не моноконфессиональной, и при этом полиэтничной. По оценкам экспертов в республике около 95 % этнических мусульман. Доля христиан не превышает 4 % [3].

В зарубежной части Прикаспия доминирует ислам суннитского и шиитского (Иран) толка. Если учитывать, что ислам доминирует и в Дагестане, растет количество мусульман в Астраханской области, то можно говорить о достаточно серьезном доминировании ислама в Прикаспии в целом.

Наиболее сложно конфессиональные процессы протекают в Дагестане, несмотря на то, что подавляющее большинство исповедует ислам. Из всех республик Северного Кавказа именно в Дагестане, начиная с XI века, исламизация шла наиболее последовательно, целенаправленно, политически ориентировано. «Нигде, во, всяком случае, на Кавказе, не сложилось такого типа политических образований, в которых ислам выполнял системообразующую функцию самоорганизации суверенных городов-государств, республиканского типа правления» [5]. Наибольшая завершенность процессов исламизации подтверждается сложившейся на территории РФ только в Дагестане системой вакуфа.

На современном этапе, по мнению Э. Кисриева активизация ислама на Северном Кавказе в целом идет двумя путями, отличающимися друг от друга видением будущего социально политического устройства общества.

Первый проект – это развитие традиционного ислама через продолжение осуществления деятельности официальных религиозных

институтов. В «этой системе координат» общество подразделяется на спецов и мирян, потребителей религиозных услуг [5].

Второй путь – это исламизация всего общества целиком, без разделения на духовенство и мирян. «В данном социально-политическом проекте вопрос об отдельном, наряду с другими, органе управления религиозной жизнью, со специфическими религиозными функциями, не ставится» [5].

То, что большинство жителей Дагестана исповедуют ислам, не делает конфессиональную ситуацию в республике бесконфликтной, поскольку вектора конфликта проходят не по линии ислам/христианство, а внутри самого ислама, на границе Свой/Чужой внутри одной макрорелигии.

Первый вектор конфликта – между суннитским большинством и шиитами, принадлежащими преимущественно к азербайджанской диаспоре. На 2008 г. на территории Дагестана на 2220 зарегистрированных суннитских организаций приходилось 20 шиитских. Активизация конфликта пришлась на 2012 г., когда в СМИ появилась провокационная статья «Шииты и вся правда о них», использовавшая уничижительную и оскорбительную для шиитского меньшинства лексику [6]. Далее последовал теракт в шиитской мечети в Хасавьюрте. Конфликт был локализован усилиями в том числе и шиитской общины, которые публично заявили, что «шииты Дагестана всегда жили и живут в мире и согласии с суннитами, являются представителями коренных народов республики и не позволят использовать шиитские организации для дестабилизации обстановки в регионе» [7]. Хотя некоторые эксперты считают, что дальнейшее развитие конфликта не представляется возможным, искомая провокационная статья до сих пор висит в интернете, где периодически появляются и не менее агрессивные ролики [8].

Если суннитско-шиитский конфликтный вектор локализуется в РФ в основном на территории Дагестана, хотя шииты присутствуют и в других регионах, то второй вектор межконфессиональных конфликтов охватывает многие регионы России, но наиболее ярко выражен на территории Прикаспия. Этот конфликт заключается в противоречии между традиционным исламом и салафитами («ваххабитами»). «Ваххабизм» на данный момент является конфликтогенным фактором мегауровня поскольку, прежде всего, представляет собой транснациональную сеть. Эксперты считают, что именно Дагестан является наиболее «ваххабизированной» территорией России [9].

Мы берем термин «ваххабизм» по отношению к конфессиональной принадлежности верующих в РФ на современном этапе в кавычки, поскольку далеко не все эксперты согласны с отождествлением салафизма и ваххабизма в российском контексте. Еще более негативно ряд экспертов относится к отождествлению салафизма, ваххабизма и экстремизма. Некоторые эксперты [10, 3] считают, что поскольку в Дагестане в последние годы при новом руководстве это отождествление стало основой конфессиональной политики, именно оно привело к весьма негативным последствиям. Силовая модель решения конфессиональных конфликтов, при которой «представители определенных течений ислама автоматически приравниваются к экстремистам, а следование этим течениям может повлечь репрессии со стороны правоохранительных органов» [10], далеко не всегда дает положительный результат.

Этот вектор межконфессиональных отношений затрагивает и Астраханскую область, конечно в меньшей степени, чем Дагестан. То, что Астрахань является частью Северного Прикаспия и граничит с Северным Кавказом, включает ее в вектор мусульманских межконфессиональных проблем. Хотя ислам исторически традиционен для этого региона, мусульманские объединения активизируются на территории Астрахани

после перестройки. До 1991 г. их насчитывалось всего 7, к 2000 году уже 43 [11], а к 2008 г. – 61. Причем прирост мусульманских объединений в Астраханской области, например в 1997 г. был более показательным, чем в некоторых республиках Северного Кавказа. В Астраханской области их было зарегистрировано 20, а в Северной Осетии – 19, в Адыгее 14 и в Республике Ингушетия – 6 [12].

Мусульманские объединения получали поддержку, как органов власти, так и частных лиц. «В целом, за минувшие 15–18 лет собственными силами религиозных объединений и при поддержке органов государственной и муниципальной власти было построено или переделано из других строений до 20 новых культовых зданий...» [13]. Бурный рост мусульманских объединений в последние десятилетия связан как с активными миграционными процессами, так и с многообразием внутриконфессиональных различий в исламе. С увеличением миграционных потоков с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии «были образованы общины азербайджанцев-шиитов и северокавказских мусульман суннитов-шафшитов. Хотя эти общины формально входят в состав муфтията, фактически они пользуются самостоятельностью... В городе существует и община ваххабитов (мухминов или в арабской транскрипции «муминов»), в основном состоящая из аварцев и даргинцев» [14]. Но если шиитский вектор конфликтных межконфессиональных отношений в Астрахани практически не прослеживается, то «салафитская проблема» налицо и имеет свою историю.

Поскольку внутри самой Астраханской мусульманской уммы не было организационного единства, в ней периодически проявлялись сепаратистские тенденции. Политика по отношению к мусульманскому населению потребовала самостоятельного исследования [15]. Среди региональных религиозных акторов мусульманские религиозные объединения оказались наиболее активными в политическом плане.

Именно в Астрахани была создана на проходившем здесь «неформальном» съезде 9 июня 1990 г. исламская партия возрождения (ИПВ) «Надхат» – первая в СССР исламская политическая структура, целью которой была провозглашена защита права мусульман «жить по законам Аллаха» [13].

Далее «история ваххабизма» в Астрахани насчитывает целый ряд прецедентов, связанных с возникновением соответствующих группировок и экстремистскими действиями. До 2000 г. здесь существовала община «муминов» Аюба Астраханского. В начале 2000 г. и до 2003 г. в Володарском и Приволжском районе существовали небольшие общины, распространявшие экстремистскую литературу, деятельность которых прекратили соответствующие органы. В дальнейшем такого рода группировки, периодически обнаруживаемые на территории области, стали нацелены конкретно на террористическую деятельность. Причем в них уже входили не только мигранты с Кавказа, но и местные жители, теперь уже и славянской национальности [17, 18].

Действительно, за фасадом весьма благополучной официальной истории и политики, по мнению А. Магомедова «в своей новейшей истории Астрахань пережила весьма драматичную страницу, связанную с «нетрадиционным» радикальным исламом. Эта субрегиональная специфика объясняется астраханско-кавказским исламским синтезом с доминированием дагестанской группировки сторонников радикального ислама» [19].

Именно эти события, за последние десятилетия сформировавшиеся в определенный вектор межконфессиональных отношений, позволили экспертам назвать Астрахань одним из основных центров распространения ваххабизма в Южном федеральном округе наряду с Ростовом-на-Дону и Адыгеей [9]. Причем ваххабистская активность, по их мнению, распространяется на достаточно большое количество населенных мест области [2].

Эта проблема не могла остаться незамеченной на уровне органов государственной власти области. На заседании этноконфессионального совета Астраханской области, созданного в 2005 г. руководитель администрации региона К.З. Шантимиров признал существование этой проблемы. « У нас есть примеры попыток открытой вербовки молодежи в отряды наемников в Сирию или южные регионы страны, распространения сепаратистских идей создания халифата. Порой молодые люди, в том числе, из нашей области поддаются на такую агитацию» [20].

Проблема кавказского ваххабизма чрезвычайно актуальна и весьма не проста. Ее «не следует рассматривать как теологический спор, между «правильной» – мирной исламской идеологией и «неправильной» – воинственной, а в контексте выделенных двух различных типов социальных проектов исламского активизма», считает Э. Кисриев [5]. Более того, ее нельзя рассматривать разорвано, как узко региональную проблему. Это взаимосвязанный вектор Прикаспийской ситуации на современном этапе.

Менее конфликтогенным, однако, не менее важным является вектор межконфессиональных отношений внутри буддийской общины Калмыкии. Он локализован узко регионально и не имеет в силу доктринальных особенностей террористической составляющей. Но, тем не менее, он весьма показателен для создания общей картины межконфессиональных отношений в Прикаспии.

В целом большинством региональных исследователей конфессиональная обстановка в республике оценивается как спокойная и позитивно ориентированная [21, 22]. Конфликтная ситуация разворачивается в плоскости пересечения мега и макроуровней. Это вылилось в ситуацию недовольства так называемого калмыцкого духовенства официальным руководством калмыцким буддизмом, куда входят преимущественно ламы тибетского происхождения [23, 24]. Однако

основная информация об этом конфликте находится в основном в интернете и практически получает минимальное освещение в теоретических исследованиях регионального характера.

3. Заключение.

В результате проведенного сравнительного анализа межконфессиональных отношений на территории российского Прикаспия, мы видим, что конфликтогенные точки лежат не в плоскости пересечения мировых макрорелигий, а в их внутриконфессиональных отношениях в каждой из этих религиозных систем. Это заставляет более внимательно относиться к проблемам конфессиональной безопасности, поскольку чаще всего внимание в этой области приковано к проблемам взаимоотношений между макрорелигиями.

Список литературы

1. Кундакбаева Ж.Б. Политика Российской Империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2005. 42 с.
2. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном Федеральном округе. Экспертный доклад // Под ред. В.А. Тишкова. М., 2013. С. 62.
3. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад // Под ред. В.А. Тишкова. М.–Ставрополь–Пятигорск, 2013. С. 87.
4. Поканинова Е.Б. Влияние социальных теорий основных конфессий на проведение социальной политики в поликонфессиональном регионе (на примере Республики Калмыкия) // Религии России: проблемы социального служения: Сборник материалов конференции. М.–Нижний Новгород: ИД «Медина», 2011.
5. Кисриев Э. Ислам на Северном Кавказе: от исторического многообразия к однородности современных тенденций. Россия и ислам: Междисциплинарный диалог. Уфа, 2006. С. 47.
6. Магомедова Тути «Шииты и вся правда о них» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.assalam.ru/content/story/3330>
7. Шииты Дагестана: Не позволим использовать себя в целях провокаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.islyam.ru/publ/islam_i_politika/shiity_dagestana_ne_pozvolim_ispolzovat_sebja_v_celjakh_provokacij/1-1-0-445
8. Шиизм это ЧУМА, которая распространяется в Дагестане [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=_pdMFk6qPxg
9. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // Доклад института национальной стратегии. М., 2013. С. 8.

10. Стародубровская И., Казенин К. Экспертный доклад «Северный Кавказ: quo vadis?». М., 2013. С. 48.
11. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2000 г. // Официальный доклад Администрации Астраханской области. Астрахань, 2001. С. 49.
12. Черноус В.В. Ислам в этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-н/Д., 2001. 183 с.
13. Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе. М.: Логос, 2008. С. 29.
14. Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 118 – 119.
15. Сызранов А.В. Эволюция государственной политики России по отношению к мусульманскому населению в конце XIX-XX вв.: на материалах Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Астрахань, 2004. 202 с.
16. Сызранов А.В. Государственная политика России по борьбе с исламским экстремизмом на территории Поволжья в конце XX – начале XXI в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 19 – 27.
17. Угрюмов Н. Простые русские экстремисты // Комсомолец Каспия. 2012. 1 июня. № 44 (6793).
18. Стешин Д., Коц А. Откуда у Русских ваххабитская грусть // Комсомольская правда. 2014. 3 Февраля. № 11.5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scienceport.ru/analytics/Otkuda-u-russkih-vahhabitskaya-grust-9002.html>
19. Магомедов А. Ислам и политика на полумусульманском евразийском пограничье. Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход // Под ред. К. Мацузато. М.: РОССПЭН, 2007. С.175.
20. Доклад руководителя Администрации Губернатора Астраханской области К.З. Шантимирова на заседании этноконфессионального совета при Губернаторе Астраханской области. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etnokonf.astrobl.ru/document/1836>
21. Марзаева М.Б. Мусульмане Калмыкии в постсоветский период // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: Сборник материалов конференции. Часть III. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 166 с.
22. Поканинова Е.Б. Социально-философский анализ трансформации государственно-конфессиональных отношений в Республике Калмыкия: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.14. М., 2012. 54 с.
23. Конфликт между ламами в Калмыкии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kalmyki.ru/content/view/224/59/>;
24. Леджиев А. Калмыкия: Наша дхарма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusbg.com/kalmykiya-nasha-dharma.html>

References

1. Kundakbaeva J.B. Politika Rossiiskoi Imperii v otnoshenii narodov Severnogo Prikaspiya v XVIII veke: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. М., 2005. 42 s.
2. Mejetnicheskie I konfessional'nie otnosheniya v Yujnom Federal'nom okruge. Ekspertnii doklad // Pod red. V.A. Tishkova. М., 2013. S. 62.
3. Mejetnicheskie I konfessional'nie otnosheniya v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge. Ekspertnii doklad // Pod red. V.A. Tishkova. М.–Stavropol'–Pyatigorsk, 2013. S. 87.
4. Pokaninova E.B. Vliyanie social'nih teorii osnovnih konfessii na provedenie social'noi politiki v polikonfessional'nom regione (na primere Respubliki Kalmikiya) // Religii Rossii: problem social'nogo sluzheniya: Sbornik materialov konferencii. М.–Nijnii Novgorod: ID «Medina», 2011.

5. Kisriev E. Islam na Severnom Kavkaze: ot istoricheskovo mnogoobraziya k odnorodnosti sovremennih tendencii. Rossiya I islam: Mejdisciplinarnii dialog. Ufa, 2006. S. 47.
6. Magomedova Tuti «Shiiti I vsya pravda o nih» [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: <http://www.assalam.ru/content/story/3330>
7. Shiiti Dagestana: Ne pozvolim ispol'zovat' sebya v celyah provokacii [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: http://www.islyam.ru/publ/islam_i_politika/shiity_dagestana_ne_pozvolim_ispolzovat_sebja_v_celjakh_provokacij/1-1-0-445
8. Shiizm eto CHUMA, kotoraya rasprostranyaetsya v Dagestane [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: http://www.youtube.com/watch?v=_pdMFK6qPvg
9. Karta etnoreligioznih ugroz. Severnii Kavkaz I Povolj'e // Doklad institute nacional'noi strategii. M., 2013. S. 8.
10. Starodubrovskaya I., Kazenin K. Ekspertnii doklad «Severnii Kavkaz: quo vadis?». M., 2013. S. 48.
11. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Astrahanskoi oblasti v 2000 g. // Oficial'nii doklad Administracii Astrahanskoi oblasti. Astrahan', 2001. S. 49.
12. Chernous V.V. Islam v etnokonfessional'noi situacii na Severnom Kavkaze. Islam I politika na Severnom Kavkaze. Rostov-n/D., 2001. 183 s.
13. Viktorin V.M. Islam v Astrahanskom regione. M.: Logos, 2008. S. 29.
14. Sizranov A.V. Islam v Astrahanskom krae: istoriya I sovremennost' // Vestnik Evrazii. 2006. № 4. S. 118 – 119.
15. Sizranov A.V. Evolyuciya gosudarstvennoi politiki Rossii po otnosheniyu k musul'manskomu naseleniyu v konce XIX-XX vv.: na materialah Nijnego Povolj'ya: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Astrahan', 2004. 202 s.
16. Sizranov A.V. Gosudarstvennaya politika Rossii po bor'be s islamskim ekstremizmom na territorii Povolj'ya v konce XX – nachale XXI v. // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2013. № 2 (35). S. 19 – 27.
17. Ugryumov N. Prostie russkie ekstremisti // Komsomolec Kaspiya. 2012. 1 iyunya. № 44 (6793).
18. Steshin D., Koc A. Otkuda u Russkih vahhabitskaya grust' // Komsomol'skaya pravda. 2014. 3 fevralya. № 11.5 [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: <http://scienceport.ru/analytics/Otkuda-u-russkih-vahhabitskaya-grust-9002.html>
19. Magomedov A. Islam I politika na polumusul'manskom evraziiskom pogranich'e. Islam ot Kaspiya do Urala: makroregional'nii podhod // Pod red. K. Macuzato. M.: ROSSPEN, 2007. S.175.
20. Doklad rukovoditelya Administracii Gubernatora Astrahanskoi oblasti K.Z. Shantimirova na zasedanii etnokonfessional'nogo soveta pri Gubernatore Astrahanskoi oblasti. 2013 [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: <http://etnokonf.astrobl.ru/document/1836>
21. Marzaeva M.B. Musul'mane Kalmikii v postsovetskii period // Oirati I kalmiki v istorii Rossii, Mongolii I Kitaya: Sbornik materialov konferencii. Chast' III. Elista: KIGI RAN, 2008. 166 s.
22. Pokaninova E.B. Social'no-filosofskii analiz transformacii gosudarstvenno-konfessional'nih otnoshenii v Respublike Kalmikiya: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.14. M., 2012. 54 s.
23. Konflikt mejdju lamami v Kalmikii [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: <http://kalmyki.ru/content/view/224/59/>;
24. Ledjiev A. Kalmikiya: Nasha Dharma [Elektronnii resurs]. Rejim dostupa: <http://www.rusbg.com/kalmykiya-nasha-dharma.html>